

«Внутренняя» русофобия и «польский вопрос» в России XIX в.

А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова

В свое время замечательный русский мыслитель И.А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949 г.), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX в., обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам “нужна” дурная Россия: **варварская**, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; **хозяйственно-несостоятельная**, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”»¹.

В данном случае Ильин «осовременил» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф.И. Тютчев², указывавший, что в основе «русофобии» — ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России³.

Возникновение образа России — «чудовища», «людоеда XX века»⁴ — в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (т. е. России — законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но потому самому еще более искренно-христианской; целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своею собственной органической, самобытной жизнью⁵), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит

¹ Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Профессор И. А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза. 1956. С. 93.

² В.В. Кожин в своих работах («О русском национальном сознании», «Пророк в своем отечестве (Федор Тютчев — Россия век XIX)», «Судьба России: вчера, сегодня, завтра»), указывая на то, что именно Тютчев ввел в общественно-политическую лексику слово «русофобия», в качестве доказательства приводил слова из письма поэта от 20 сентября 1867 г. дочери Анне.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств: Статьи, стихи / предисл. И. Виноградова; ил. Ф. Домогацкого. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 191.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 182.

западную: «Западные люди, судящие о России, — это нечто вроде китайцев, судящих о Европе...»⁶. К «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность»⁷. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности»⁸, а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления»⁹). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство — «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство *awe* (благоговейного страха. — *Авт.*), которое испытывают только по отношению к Власти»¹⁰.

Вместе с тем, наряду с «внешней» русофобией западноевропейского общества, с соединенными в одном общем чувстве ненависти к России «пропагандами» — католической, революционной и пр., которым вторит «насмешка эха» — западная колония образованных русских¹¹, Тютчев обратил внимание на то, что русофобские настроения, русофобский образ мыслей и действий существуют и в самой Российской империи, причем не только в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, но и в правительстве страны, где разрушающе действовала, как он ее называл, «антирусская клика»¹² — «все элементы или нерусские по происхождению, или *антирусские*

---

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Там же. С. 191.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ Там же. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 100–101.

¹¹ Там же. С. 100, 148. Российские либералы-западники, живущие и в Европе, и в России, — это люди, у которых напрочь отсутствует «национальное чувство» и чья русофобия, как считает Тютчев, — инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна: «Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней у этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной жизни в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. А.Ф. Аксаковой. Петербург. Среда, 20 сент[ября] [1867] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 306).

¹² Говоря об «антирусской клике», Тютчев прежде всего имел в виду конкретных лиц в правительстве и управлении империей, которых противопоставлял царствующим самодержцам, находящимся вне всякой критики при жизни. «Клика, находящаяся сейчас у власти, — писал Тютчев, — проявляет деятельность положительно *антидинастическую*. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только *потеряет популярность*, но приобретет *антирусский* характер». И в другом месте: «Эти отбросы русского общества, это антирусское отродье, не может не видеть в нем своего злейшего врага...» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Акса-

по направлению». Эта «коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный... в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно — отрицательное начало, т. е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому...»¹³. Из этих проявлений, которые описал и подверг резкой критике Тютчев, складывается образ русофобии «внутренней».

Одной из составляющих «внутренней русофобии» в России XIX в. стали, по мнению Тютчева, «нигилисты» и «польский элемент», которых он вслед за М.Н. Катковым объединяет, усматривая в нигилистических, революционных поползновениях подпитывающую их поддержку поляков и подозревая даже в выстреле Каракозова «польскую интригу». «Нигилисты», как считал Тютчев в начале 1860-х гг., — «заблудшие овцы», скот, взрывающийся время от времени: «Я сейчас прочитал в словаре Даля слово *брык*, и вот как он его определяет: беготня скота, когда в знойное оводное время, задравши хвост, мятется туда и сюда и ревет... Итак, скажем с буквальной точностью: *брык* нашего молодого поколения — нашей *Jeune Russie*»¹⁴. Роль овода для нигилистов выполняет полиция и в целом власть, «которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционно-ниспровержения»¹⁵. Нигилистов, которыми «все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала»¹⁶, Тютчев считает «выродками человеческой мысли», порожденными не только западными влияниями, но и произволом и подавлением мысли в самой России. То, что революционные социалистические теории, которые исповедовали нигилисты, связаны с анархией, безверием

ковым. 1861–1872. 58. А.Ф. Аксаковой. [Петербург]. 2 января [1869] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 352). Это — «клика, которая захватила власть и влияние и путает Россию, а не правит ею» (*Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 58. И.С. Аксакову. С.-Петерб[ург]. Среда, 19 февраля [1869] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 355). Министров Тютчев называл «подлецами», а действия правительства характеризовал как «явное бесстыдство», «явную глупость» и т. п. (см.: *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 7 декаб[ря] 1870 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 365; и др.). При этом Тютчев был искренним монархистом, сторонником и идеологом, теоретиком имперской идеи, о «классовой» основе власти не рассуждал, считая таковой основой и критерием — ее божественное происхождение и нравственность ее представителей (см.: *Тютчев Ф.И.* Письмо к А.Д. Блудовой от 28 сент.1857 г. // *Тютчев Ф.И.* Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 184; и др.). Рассуждая о русофобской «клике» в правительстве, он исходил из того, что действия этих людей прежде всего разрушали русскую печать, препятствовали формированию самосознания русского общества, что и делало эту клику собственно «руссофобской».

¹³ *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 387.

¹⁴ *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. И.С. Аксакову. С. 263.

¹⁵ Там же. С. 374.

¹⁶ Там же. С. 263.

и безнравственностью и провоцируются запретами, подавлением, неумением власти противопоставить им адекватные идеологические меры, еще раз убедительно показал первый политический процесс в России — суд над «нечаевцами» 1871 г., заседания которого посещал Тютчев. Тютчев был глубоко убежден, что репрессивные меры материального воздействия в отношении любого проявления зла не всегда единственно возможное оружие: «порой это оружие становится негодным — негодным в силу того, что оно дает ощущение мнимой безопасности, позволяющее забывать о необходимости иметь гораздо более эффективное оружие»¹⁷. «Вредным» теориям, социалистическим иллюзиям и «движениям сердца» революционеров нужно противопоставить подлинные принципы консерватизма самодержавия и духовности Православной Церкви, нравственно переубедить заблудшее молодое поколение, о чьих заблуждениях, возможно, даже будут когда-то в будущем вспоминать с грустью¹⁸. В этом его поддерживал М.П. Погодин. В одной из последних своих книг «Простая речь о мудреных вещах», выдержавших за три года три издания, Погодин, рассуждая о нигилизме и нигилистах, пришел к выводу, что «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и самоучек-дилетантов», то есть невежд, забывших Бога и «собирающихся строить новое общество... на крови и в грязи», нужно не наказывать, а убеждать и учить¹⁹. В этом отношении Погодин был абсолютно прав. Погодинский критический вывод о невежестве радикальной интеллигенции получил историческое и социологическое подтверждение и был не раз поддержан русскими мыслителями.

Катков, Тютчев, Погодин, Аксаков и многие их современники не случайно объединяли русских радикалов-нигилистов с польскими инсургентами. Практически для всех русских консерваторов «*крамольно-католическая Польша*» — фанатичная последовательница Запада и постоянная изменница «относительно своих братьев» — славян²⁰. Подчеркивая степень влияния поляков на оппозицию русскому самодержавию, Тютчев отмечал: «перестав ощущать себя русскими, становятся не космополитами, а непременно, неизбежно — поляками»²¹. Если нигилисты, как полагал Тютчев, враги не очень серьезные, то «польские ксендзы», «польская шляхта», «польская эмиграция», не «польская народность», а именно они — враги особенные, опасные, сознательные и целеустремленные²². Русский историк и этнограф, немец по происхождению, родившийся в Варшаве, А.Ф. Гильфердинг прямо указывал на то, что польская шляхта — это «организм разложившийся и уже неспособный к новому развитию»²³. В свою очередь, Погодин считал, что «шляхта нынешняя, как древние евреи, изведенные из Египта,

---

¹⁷ Там же. С. 374.

¹⁸ Там же. С. 378.

¹⁹ Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 19, 135 и др.

²⁰ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 143.

²¹ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. С. 279.

²² См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С.143; Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. С. 279.

²³ См.: Гильфердинг А. Ф. Положение и задача России в Царстве Польском // Русский инвалид. 1863. № 254, 16 ноября, № 254, 17 ноября.

должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю, в соединении с Россией»²⁴. Таким образом, в русской политической мысли четко различали интересы польского народа и польской шляхты. События эпохи освобождения крестьян и реформ шестидесятых годов в России и Польше²⁵, когда либеральные действия правительства России упорно «не замечались» польской шляхтой и польской эмиграцией, продолжавшими «протестовать, казнокрадствовать, распускать фальшивые ассигнации, поджигать и требовать не только границ 1772 года, но даже Киева!», убедили их в том, что польская шляхта совершенно чужда не только славянам, но и польскому народу. Шляхта эта, во-первых, имеет западное, кельтское или романское происхождение; во-вторых «пришельцы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединились они у нас и в других странах». Поэтому, приходит к выводу Погодин: «шляхта и народ составляют там (в Польше. — *Авт.*) до сих пор два совершенно различных общества»²⁶. Как не без оснований представлялось Погодину и другим русским консерваторам, космополитической, клерикальной, неразрывно связанной с изжившими себя традициями феодальной анархии и сословного эгоизма, обращенной целиком в прошлое шляхте противостояло самобытное, неосознанно хранящее исконно славянские начала крестьянство.

В свете исторических реалий такая позиция русских мыслителей не вызывает никакого удивления. К этому времени противоречия между Польшей и Россией имели уже вековую традицию. Польский вопрос, наверное, был самым острым вопросом внутренней политики России на протяжении большей части XIX в. Этот вопрос, оказавшийся в центре внимания различных политических сил как в России, так и в Европе, в конечном счете обусловил разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., так или иначе повлекшие за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи. Многие исследователи совершенно справедливо склонны связывать «падение Польши» с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованным соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией, для территориальных приращений за ее счет. Большинство историков считает основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами русско-турецкой войны 1768–1774 гг.,

---

²⁴ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев; подготовка текстов А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 348.

²⁵ Как отмечает Погодин, «крестьяне польские сделались такими же собственниками, как и русские; города освобождены от феодального ига, убежища праздности (и политических козней), лишние монастыри ограничены. Наконец, в последнее время объявлена широкая амнистия: тысячи сосланных за участие в мятеже семейств возвращены на родину, следствия прекращены, конфискации остановлены» (Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Избранные труды. С. 347).

²⁶ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Избранные труды. С. 348.

для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое — Пруссии²⁷.

С особой силой русско-польские противоречия обострились после ноябрьского восстания 1830 г., которое стало своего рода рубежом во взаимоотношениях Петербурга и Варшавы. До тех пор предпринималось немало попыток склонить к лояльности шляхту включенной в состав России части Польши. Почти парадоксом кажется то, что из всех держав, принимавших участие в разделе Польши, именно в самодержавной России эти усилия предпринимались к началу XIX в. особенно широко. Не в последнюю очередь это было связано с полонифильскими и либеральными симпатиями Александра I, которые он проявлял до 1812 г. «Польша больше нет, но мы продолжаем жить как поляки в Польше» — таково было ощущение жителей Восточной Польши. И даже флирт Польши с Наполеоном практически не повлиял на характер русской политики в Великом герцогстве Варшавском, политическое и военное руководство которого было сохранено в королевстве Польском, созданном на Венском конгрессе. Это новое государство на Висле, несмотря на личную унию с русским царем, получило одну из самых либеральных конституций на европейском континенте. В последние годы царствования Александра I эта конституция все больше выхолащивалась.

После восшествия на престол Николая I политический курс Петербурга в отношении Польши особенно обострился. И все-таки новый император в мае 1829 г. короновался в Варшаве, став королем Польши. Тем самым он подтвердил польскую конституцию, наличие которой вызывало резкий протест русских консерваторов, справедливо полагавших, что, будучи конституционной монархией, королевство Польское находилось в непримиримом противоречии со всей остальной Российской империей (если не принимать во внимание Великое княжество Финляндское или же Остзейский край, о котором речь пойдет ниже). Поэтому гнев императора и русских консерваторов по поводу «неблагодарности» «изменников-поляков» после восстания 1830 г. был совершенно правомерен.

Для «русской» Польши всегда было характерно противостояние государства и общества, расхождение иерархии общественных и государственных ценностей. С подавлением польского мятежа 1830–1831 гг., к которому присоединилась почти в полном составе правящая верхушка Польского королевства, были уничтожены остатки польской самостоятельности. «Польша должна была погибнуть, — писал Тютчев и далее подчеркивал, — не самобытность ее польской народности, чего Боже сохрани! Но ее ложное образование, та ложная национальность, которая была ей привита»²⁸. Взамен отмененной Конституции 1815 г. был введен Органический статут (1832), радикальным образом ограничивающий автономию Королевства, но и он фактически не вступил в силу. Сейм,

---

²⁷ Именно такой точки зрения придерживался, например, Погодин — автор «национальной» концепции, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши. Он, как и многие русофилы-патриоты (по крайней мере в России XIX в.), прямо или косвенно высказывал в адрес Екатерины II едва ли не единственный упрек — в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии (см.: *Погодин М.П. Письмо к Гизо о польском вопросе // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 399.*

²⁸ *Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 183.*

Государственный совет и высшие судебные учреждения были ликвидированы, перестала существовать польская армия. Место собственного учебного округа занял Варшавский учебный округ, такой же как в Киеве или Казани, на территории Королевства стала общеобязательной общероссийская монетная система, система мер и весов. Власти стали активно вмешиваться в дела католической церкви, развернулась кампания по обращению униатов в православие²⁹. Противостояние государства, которое олицетворяла Россия, и польского общества особенно обострилось. Сложился даже некий общественный кодекс чести, запреты и заветы которого определяли жизнь в стране гораздо сильнее, чем государственные законы. Социальный престиж в глазах поляков был теперь никак не связан с государственными прерогативами, так как считалось, что, например, поляки-аристократы, занимавшие высокие посты в аппарате управления, служили не собственной стране, а иностранному господству.

Уже накануне 1830 г. враждебность по отношению к России занимала в сознании большинства польской знати особое место. И тем более радикально эта тенденция проявилась после поражения. На Висле царская империя воспринималась не просто как политический противник, а скорее как воплощение зла, борьба польского народа с Россией выступала как противостояние света и тьмы. Таким образом, конфликт перерастал политические рамки и приобретал псевдометафизический характер, когда России приписывались стремления не только к деспотическому подчинению своих собственных подданных, но и к порабощению всего «свободного мира», т. е. Запада. Революционеры всех стран, указывал Тютчев, возлагают свои надежды на «возможность крестового похода против России», где «полем сражения послужила бы Польша»³⁰. Около десяти тысяч польских эмигрантов, находившихся на Западе после 1831 г., продолжали там свои споры с Россией и появлялись почти везде и всюду, где велась борьба против царской империи, став в глазах официальных властей синонимом бунтарства и непокорности. Но своей главной победы они добились на арене европейского общественного мнения, инициировав и подпитывая то, что Тютчев назвал «русофобией». Известное резкое ухудшение образа России на Западе после 1830 г., то, что симпатии к Польше испытывали многие европейцы, а к России только немногие легитимисты, объясняется не в последнюю очередь влиянием польской эмиграции.

Примерно три десятилетия спустя после ноябрьского восстания в польско-русских отношениях наметилась разрядка. После поражения в Крымской войне и восшествия на престол Александра II в 1855 г. в России наступила, по выражению Тютчева, «оттепель», были замыслены и стали проводиться в жизнь грандиозные реформы. Не остался в стороне от политики реформ и польский вопрос. И хотя Александр II категорически отказывался восстановить конституцию 1815 г., перемена климата на Висле в конце 1850-х гг. ощущалась всеми.

²⁹ См.: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

³⁰ Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин // под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 810.

Была провозглашена амнистия политическим заключенным, и в результате вернулись домой из Сибири многие изгнанники. Однако и в это время польские генералы и политики уклонялись от любых шагов, которые можно было бы истолковать как коллаборационизм с русскими. Русофобское общественное мнение в Польском королевстве парализующе влияло на любые попытки нормализовать отношения между Петербургом и Варшавой. Радикалы, вопреки большинству здравомыслящих поляков, выступавших против вооруженного восстания, подталкивали страну к военной конфронтации. Их сила заключалась в том, что они в крайней форме выражали ценности, признанные всеми поляками: готовность бороться за независимость страны представляла собой моральное обязательство, от которого никто не мог отступить. Главное значение придавалось при этом не победе, а воле к сопротивлению. Такой идеализм, в область которого переместился национальный инстинкт самосохранения поляков, вызывал недоумение и восхищение на Западе и откровенное неприятие в России, тем более что позиция многих из них теперь определялась тезисом: «Тот, кто говорит, что мы славяне, является изменником, ибо мы просто поляки»³¹.

В русской политической публицистике 1860-х гг., посвященной польскому вопросу, красной нитью проходит мысль о том, что Польша, в отношении которой русское правительство осуществляло «примирительную политику» и поддерживало различные автохтонные преимущества, коих было лишено население центральной России, не сумела воспользоваться монаршим доверием и милостью и ответила на либеральные действия правительства «моральной революцией» и вооруженным мятежом³². Одним из примеров неумения и нежелания поляков пользоваться монаршей милостью многим представлялась «система Велепольского» — «образ управления» в Польше от июня 1861 г. до октября 1863 г. — приведший к восстанию 1863–1864 гг.³³ Тщательно анализируя происходящее, многие русские публицисты попытались внести свой вклад в формирование как в России, так и за рубежом, релевантного истине общественного мнения, а также воздействовать на разум и совесть восставших поляков. Во время мятежа тон высказываний русской прессы по польскому вопросу был очень жестким. При этом никто не собирался огульно обвинять в преступлениях³⁴ весь польский народ. Такая позиция газет вполне отражала настрое-

---

³¹ Цит. по: Дьяков В.А. Славянофильские тенденции в польской общественной мысли накануне и во время славянского съезда 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 57.

³² «Моральная революция» — по сути, кампания гражданского неповиновения, частью которой стали собрания в костелах, где под видом богослужений пелись патриотические гимны и отмечались памятные даты из истории Речи Посполитой; панихиды и крестные ходы, а также постоянное ношение траурной одежды женщинами в память о жертвах в борьбе за польскую независимость (см.: Западные окраины Российской империи. М. 2006. С. 148. См. также: Гурторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ. Факультет политологии. 2011).

³³ О событиях этого восстания существует обширная литература, огромный корпус источников опубликован в серии: Восстание 1863 г. Документы и материалы. Т. 1–25. 1960–1986.

³⁴ В ночь с 10 на 11 января 1863 г. было осуществлено «ночное убийство русских солдат» группами вооруженных повстанцев, совершивших нападение на 17 русских гарнизонов; а 31 марта, в первый день православной Пасхи, был оглашен манифест об амнистии всем участникам восстания в Царстве Польском и Западном крае, не замешанным в каких-либо иных преступлениях, при условии, что они сложат оружие до 1 мая. Этот очередной жест царской милости не был принят повстанцами.

ния, господствовавшие в русском обществе. Характерный пример — эпизод, произошедший на Славянском съезде 1867 г., когда на банкете в Сокольниках выступил чешский делегат Ф. Ригер. Перед появлением на съезде он совершил поездку в Париж, где вел переговоры с польскими эмигрантскими кругами, а теперь на съезде попытался убедить его российских участников в необходимости компромиссной политики по польскому вопросу. Ригер, в частности, согласился с тем, что поляки неправы, «отчуждая от русского народа его малороссийскую ветвь» (речь шла о Галиции), но пригласил русских согласиться, что и они неправы, когда не признают права поляков на «народное существование», хотя эта ветвь западного славянства отличается от русских и по языку, и по истории. «Докажите, что вы не желали лишить их народности», — обратился Ригер к собравшимся и выразил надежду, что «наши русские братья первые произнесут прекрасное слово христианской любви и примирения»³⁵. В ответ на это заявление выступил князь В.А. Черкасский, который заявил, что Польша сама виновата в том, что растеряла свободы, дарованные ей Александром I. Он привел ряд статистических данных, свидетельствовавших, что Россия заботилась о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях, что податей в привислинских губерниях взималось только по 4 руб. с жителя, а в России по 6 руб., что крестьяне при проведении реформы в Польше получили землю на более льготных условиях, чем в России. Поэтому, подчеркнул Черкасский, если поляки осознают все это и придут к нам со смиренным раскаянием, им будут «широко раскрыты наши братские объятия». В отчете о съезде после этих слов сказано: «Невозможно описать то впечатление, которое произвела речь высокоуважаемого оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всех сторон кричали: спасибо, благодарим, благодарим»³⁶.

В свое время, в середине шестидесятых годов, Погодин, отмечая то, что вся европейская печать «кишит» статьями о польском вопросе, что «европейские весы» в этом вопросе «кривы и не верны», как, впрочем, и во всех других случаях, «когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком»³⁷, настаивал на необходимости жесткого ответа европейским русофобам, формулирования и пропаганды *русской* позиции, «Русского мнения», *русских* доказательств в пользу *русского* решения польского вопроса. Сделать это тем более необходимо, подчеркивал он, что в основе русофобских выступлений западной прессы лежат нелепости, подобные утверждениям некоторых «крайних поляков» о том, например, «что Россия не существует, что России нет, нема Rusi, и что Русский язык не есть Славянский язык!»³⁸. Видно,

---

Итогом восстания 1863 г. явилось поражение поляков с 30 тыс. человек убитыми, потери русских определялись в 3343 человек (из них 2169 — раненых).

³⁵ См.: Банкет в Сокольниках // Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года. М., 1867. С. 347–348.

³⁶ См.: Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 121.

³⁷ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Избранные труды. С. 346.

³⁸ Один из конкретных случаев такого русофобского «непонимания» Погодин подверг критическому разбору (См.: Погодин М.П. Отповедь французскому журналисту // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 413).

нет нелепости, восклицает Погодин, «которая не нашла бы себе последователей, особенно, если она служит к обвинению России, которая все еще составляет какое-то бельмо на глазу у Европы, — жаль, что не типун на языке»³⁹.

Одним из таких обвинителей России был польский инсургент, «парижский профессор истории» Францишек Хенрик Духинский (1816–1893). В ряде своих трудов, главным из которых стало сочинение «Основы истории Польши и других славянских стран, а также истории Москвы», вышедшее в трех частях в Париже в 1858–1861 гг., он «самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т. д. точек зрения» отстаивал догму, будто великороссы не славяне. К. Маркс, чьи слова из письма Ф. Энгельсу мы привели выше, с большим интересом отнесся к концепции Духинского и высказался в ее поддержку: «он утверждает, что настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части <...>. Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян»⁴⁰. По сути, не имеющие научной основы, писания Духинского были направлены на обоснование необходимости создания некоего буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой⁴¹; вполне понятно, что на эту роль предназначалась независимая Польша, включающая Украину-Русь, Беларусь, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород.

Идеи Духинского были с энтузиазмом восприняты польской эмиграцией, мечтающей о восстановлении «Великой Польши от моря до моря», его с восторгом приняли французские русофобствующие интеллектуалы и политики: Э. Реньо, А. Марген, К. Делямар и др. Сам Духинский самонадеянно заявлял, что его взгляды «никогда не будут опровергнуты, как никогда земля Польши не перестанет относиться к европейской системе, а земля Москвы к азиатской системе, разве что мы назовем Азию Европой, но и тогда будет две Европы, как, по сути, есть и сейчас, а именно: Европа до восточных границ Польши и Европа московская, ведь Москва и сегодня составляет половину Европы»⁴². Однако идиллию разрушил О. фон Бисмарк, уничтоживший наполеоновскую Вторую империю, а вместе с ней и французскую русофобию, после чего писания Духинского потеряли былую привлекательность, и всем «вдруг» открылись дилетантизм и политическая тенденциозность их автора.

³⁹ Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 368.

⁴⁰ Маркс — Энгельсу, 24 июня 1865 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 106–107.

⁴¹ «Мы видим, — писал Духинский, — что физико-географические черты нашей Родины способствуют, с одной стороны, общности ее жителей с народами Западной Европы, так же, как происхождение жителей нашей Родины создает, с другой стороны, ее внутреннее единство: мы видим, что физико-географические черты Московского государства как таковые отделяют его жителей от Европы, объединяя их с жителями Центральной Азии вплоть до китайской стены, так же, как объединяют их идейные и духовные потребности, следующие из их происхождения». (Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F. H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde. 1859. S. 13).

⁴² Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F.H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde. 1859. S. 30.

Русское правительство после подавления восстания 1863 г. уже не интересовало польские национальные проблемы, любые компромиссы и договоры с польским обществом были теперь для него исключены. В самой Польше борьба со шляхтой и католическим духовенством велась не только силовыми военными методами, но и путем реформ, проведенных там сразу же после восстания 1863 г. Однако попытки русификации Польши ничуть не способствовали ее инкорпорации в состав империи, для все новых и новых поколений патриотично настроенных поляков главным врагом оставалась Россия, а в общественном сознании россиян сложилось негативное восприятие «поляков», которые в глазах «нереволюционной» общественности стали выглядеть мучителями русских крестьян, иудами славянского дела, религиозными фанатиками и экзальтированными носителями химерических имперских претензий давно и безвозвратно погибшей «великой Польши» и, наконец, отъявленными русофобами, инициаторами и вдохновителями любых нарушающих национально-политическое единство России движений и выступлений.

Именно в это время под Вильно — на «кресах» (восточных землях бывшей Речи Посполитой) — в родовом имении своих родителей появился на свет человек, которому суждено было сыграть особую роль в польской истории. Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша Пилсудский (1867–1935) не интересовался этнографическими теориями, его больше привлекали социальные и революционные идеи, поэтому он в 1884 г. назвал себя социалистом и поставил главной целью жизни физическое уничтожение русского государства с последующим восстановлением на его обломках новой Польши, доминирующей в Центральной и Восточной Европе.

Основатель польской армии и будущий диктатор возрожденного польского государства, Пилсудский был «всего лишь» членом ЦРК подпольной Польской социалистической партии (ППС) и редактором ее печатного органа «Рабочий», в котором поместил свою статью «Россия» (1895). В этой статье он изложил свои негативные взгляды на Россию, которых затем не менял. Суть их сводилась к следующему. Национальный характер и русскую историю, по Пилсудскому, определило долгое и тяжелое монголо-татарское иго, привившее за несколько веков русскому народу дух рабства, покорность власти и безропотность перед ударами судьбы⁴³. Рассмотрев положение всех классов российского общества, Пилсудский пришел к выводу о том, что «границы между классами расплывчатые, и, имея рабское прошлое, они (классы. — *Авт.*) не обладают традицией политической борьбы и способностью к сплочению, к созданию политических партий. Единственная сплоченная сила в России — масса чиновников, эта армия самодержавия. Это также единственная сознательная сила»⁴⁴. Надежды на русский пролетариат у Пилсудского абсолютно нет, а силой, способной разрушить самодержавие, становится... население покоренных царизмом стран: поляки, литовцы, латыши, русины (т. е. народы, занимавшие территории, принадлежа-

---

⁴³ См.: Piłsudski Józef. Wybór Pism / Wstęp Włodzimierz Suleja, Krzysztof Polechoński. Wybór i opracowanie Włodzimierz Sulej. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo polskiej akademii nauk. 1999. S. 8.

⁴⁴ Там же. S. 16.

щие в прошлом Речи Посполитой)⁴⁵. И так, все вернулось на круги своя — и у не любящего этнографии революционера Пилсудского цивилизационное превосходство поляков (а также соприкасавшихся когда-то с поляками народов) предопределяет их главенствующую роль в будущем разрушении «варварской» России...

Завершая наш сюжет, нельзя не процитировать И.С. Аксакова, сформулировавшего «русский взгляд» на Россию. Настоящая Русь, писал он, «живое, цельное тело, а не мозаичная сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, могут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, — но весь смысл бытия, вся сила, разум, историческое призвание, весь исторический *raison d'être* — заключается именно в святой Руси...»⁴⁶. И еще: «Сколько аномалий в государственном строе наплодила наша долголетняя антинациональная политика!.. Сколько еще придется разделять из того, что натворено под воздействием фальшиво понятого европеизма, гуманизма, либерализма — во вред истинным интересам русской народности, русской государственной чести и силе!»⁴⁷. Смысл и содержание этой фразы Аксакова не только ясны, но и близки современному россиянину.

Список используемых источников

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002.
2. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887.
3. Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России в Царстве Польском // Русский инвалид. 1863. № 254.
4. Горохов А.А. Возвращение русского консерватизма: ответ Кори Робину // Историческое образование. 2014. № 3. С. 77–86.
5. Гуртов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ. Факультет политологии. 2011.
6. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993.

---

⁴⁵ Там же. С. 18.

⁴⁶ Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 260. Однако, к сожалению, в России все произошло по пророческому предсказанию Самарина: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбегались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи» (Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. Окраины России. М., 1890. С. XVII).

⁴⁷ Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. С. 167.

7. Дьяков В.А. Славянофильские тенденции в польской общественной мысли накануне и во время славянского съезда 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.

8. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

9. Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956.

10. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М.: Наука, 1988.

11. Мырикова А.В. Ф.И. Тютчев: особенности политического дискурса. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2003.

12. Мырикова А.В., Осадченко З.Н., Сетов Н.Р. и др. Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.

13. Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М.: Типография Шюман и Глушкова, 1867.

14. Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Типография В.М. Фриш, 1873.

15. Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1876.

16. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013.

17. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. Окраины России. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1890.

18. Сорокопудова О.Е., Ширинянец А.А. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник МГОУ. 2014. № 2 // <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/555/>.

19. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999.

20. Тютчев Ф.И. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1980.

21. Ширинянец А.А. «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX века // Вестник Российской нации, 2014. № 2. С. 35–47.

22. Ширинянец А.А. М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник. Религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. М.: Издательство «Прогресс-Плеяда», 2008. С. 90–103.

23. Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F. H. Duchinińskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde. 1859.

24. Piłsudski Józef. Wybór Pism / Wstęp Włodzimierz Suleja, Krzysztof Polechoński. Wybór i opracowanie Włodzimierz Sulej. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo polskiej akademii nauk. 1999.